

Когда Бай Цзиньжун, сердито хлопнув дверью, вышла, Линь Дунцин лишь тогда убрала улыбку с лица. Она съёжилась в комок, и всё её тело была крупная дрожь.

Бай Цзиньжун тем временем привела себя в порядок, вымыла руки и, увидев, что солнце уже поднялось высоко, а Линь Дунцин так и не встала, толкнула дверь и вошла.

Линь Дунцин лежала, скорчившись, в углу. Лицо бледное, лоб покрыт холодным потом, она что-то бормотала, брови нахмурены.

Бай Цзиньжун похлопала её по плечу:

— Дунцин.

Линь Дунцин вздрогнула и внезапно обхватила её руками:

— Не... не убивай меня... не убивай меня...

Глядя на эту маленькую, съёжившуюся Линь Дунцин, сердце Бай Цзиньжун смягчилось. Она погладила её по спине:

— Кошмар приснился?

Линь Дунцин открыла глаза, всё ещё не оправившись от испуга. Потом опустила голову и уныло проговорила:

— Лю Дэ умер. Его забили насмерть.

— Не знаю, узнала ли уже управа, что я в этом замешана?

— Ты убила человека?! — спросила Бай Цзиньжун. В её голосе не было особого удивления — в конце концов, по сравнению с прошлой жизнью, где Линь Дунцин убивала без счёта, в этой жизни та лишь языком была дерзка.

— Я убила человека, а ты не боишься? — Линь Дунцин вздохнула. — Я никого не убивала. Просто бежала медленнее остальных — чуть жизнь не потеряла.

Она всё ещё говорила с замиранием сердца:

— Братец Бя велел нам выкрасть серебро у заезжих. Нас заметили, и Лю Дэ забили насмерть. Мы убежали быстро, нас не поймали.

— Вечно промышляете кражами да жульничеством. Теперь узнала, каково оно? — Бай Цзиньжун похлопала её по щеке. — Будешь теперь умнее?

Линь Дунцин дёрнула её за одежду, и взгляд её упал на пышную грудь Бай Цзиньжуна. Из-под слегка распахнутого ворота виднелась белоснежная кожа, а в носу щекотал женский аромат, принадлежавший только Бай Цзиньжуну.

Дыхание Линь Дунцин стало частым и тяжёлым, лицо залилось краской. Схватив её за руку, она потащила её к кровати, одновременно потянувшись поцеловать.

Бай Цзиньжун уклонилась и крикнула:

— Отпусти!

Линь Дунцин крепко держала её за руку, тяжело дыша:

— Молодая вдовушка, ты такая красивая. Дай я тебя поцелую, а?

Она неуклюже и смущённо повернула голову, чтобы поцеловать. Бай Цзиньжун снова отстранилась, и нос Линь Дунцин со всего размаху ударился о её щёку. От боли Линь Дунцин зажала нос — в глазах выступили слёзы.

Бай Цзиньжун закатила глаза и подумала: вот он, подходящий момент. Она посмотрела на Линь Дунцин:

— Если поцелуешь меня, то должен будешь нести за меня ответственность. Поняла?

— Отвечу, отвечу! — Линь Дунцин, вся красная, потянулась к её руке. Возбуждённая и взволнованная, она была готова на всё.

Бай Цзиньжун строго посмотрела на неё:

— Тогда впредь тебе нельзя шататься с Чэнь Бяо и прочими. Будешь честно помогать мне с лотком и продавать лапшу. согласишься — дам тебе поцеловать один раз. Не согласишься — убирайся из моей комнаты вон.

Линь Дунцин заколебалась. И тут заметила, как Бай Цзиньжун будто невзначай облизнула губы. Алые, полные губы, сочные и упругие, точно свежесорванные ягоды.

В голове у Линь Дунцин с грохотом всё опустело. Кровь бросилась в лицо, и она совсем потеряла голову.

Когда же к ней вернулось осознание, её губы уже прижимались к губам Бай Цзиньжун — мягким, сладким, ароматным.

Она не успела как следует насладиться — Бай Цзиньжун оттолкнула её и, смутившись, сказала:

— Запомни свои слова.

— Оказывается, женские губы такие вкусные, — проговорила Линь Дунцин ошалело. — Мягкие... сладкие...

Она дрожала всем телом от возбуждения и, как голодный тигр, бросилась на Бай Цзиньжун:

— Дай ещё раз поцелую!

Бай Цзиньжун уклонилась и со смехом отругала:

— А ну быстро вставай и помогай мне лоток разворачивать!

Бай Цзиньжун вышла за дверь, и улыбка на её лице постепенно угасла. Пальцем она медленно провела по губам. Ощущение от прикосновения, казалось, всё ещё было здесь.

Женский поцелуй... не такой уж противный, как ей думалось.

Линь Дунцин, сдержав обещание, вышла с Бай Цзиньжун на уличный лоток. Соседи с удивлением смотрели, как эта мелкая хулиганка лениво протирает столы и, бурча, с грохотом ставит тарелку с лапшой перед посетителем.

— Дунцин, иди сюда, — сказала Бай Цзиньжун с головной болью. — Ты моешь посуду, а я разную лапшу.

Линь Дунцин отозвалась, нагнулась и принялась мыть посуду. Мыла она так, что посуда оставалась грязной, и Бай Цзиньжун пришлось перемывать всё заново. В итоге её отправили наводить порядок.

Линь Дунцин целый день путалась под ногами. Когда вечером начали сворачивать лоток, она выхватила у Бай Цзиньжун коромысло:

— Давай я понесу.

Едва взвалила коромысло на плечо, как оба ведра закачались вперёд-назад. Бай Цзиньжун

поспешно поддержала их:

— Руку клади на коромысло, а толкай плечом!

Линь Дунцин буркнула что-то в ответ и пошла вперёд, шатаясь из стороны в сторону. На полпути она вся вспотела, и Бай Цзиньжун снова забрала у неё ношу.

Вечером Бай Цзиньжун увидела, что Линь Дунцин сидит за едой мрачная. Подложив ей кусочек тушёной свинины, она спросила:

— Почему не ешь?

Линь Дунцин засунула мясо в рот, прожевала с удовольствием и, смущаясь, призналась:

— Малый не может делать эти дела. Всё испортила.

— Поначалу всё непривычно. Постепенно научишься, — успокоила её Бай Цзиньжун. — Иметь постоянное честное дело лучше, чем каждый день бездельничать да жульничать.

— Ты же обещала: если я буду хорошо работать, то ты позволишь мне целовать тебя когда захочу. — Линь Дунцин посмотрела на неё и покраснела. — Малый помнит, между прочим!

— Сначала дело хорошо делай, а потом разговоры, — неловко опустила голову Бай Цзиньжун.

Линь Дунцин смотрела на её чистое лицо, мягкие и в то же время соблазнительные черты. В груди зачесалось, и губы тоже зачесались — ощущение той мягкости, казалось, всё ещё оставалось на её губах.

Вечером они обе помылись и легли на кровать, голова к голове.

Линь Дунцин схватила её за плечи и повернула лицом к себе. Раскрасневшись, сопя, как бык, она потянулась поцеловать.

— Я же сказала: сначала дело, — Бай Цзиньжун толкнула её в плечо.

Но Линь Дунцин не сдвинулась с места и, тяжело дыша, сказала:

— Один поцелуй.

С этими словами она нагнула голову и, торопливо и жадно, прикусила её губы. Свирепо и

голодно впилась в них.

Мягко, сладко, точно холодец из свиной шкурки. Линь Дунцин облизнула губы, довольно отпустила её рот. Кипя от возбуждения, она заодно и пощупала:

— Ты и впрямь и сладкая, и мягкая.

— Дунцин, ты девушка. Нельзя постоянно так. Это всё дурная компания Бяо тебя испортила, — вздохнула Бай Цзиньжун, опуская взгляд на её грудь. — Они же и у тебя есть. Что там трогать?

— Своё трогать — никаких ощущений. А чужое — то, что надо. — Линь Дунцин бесцеремонно взяла её руку и приложила себе на грудь. — Ну-ка, пощупай.

Бай Цзиньжун отдернула руку, уши её покраснели. Глядя на этого бесхитростного дикаря, она тихо вздохнула.

— Спать. Спать. Я устала, — Линь Дунцин ткнулась головой вниз и через некоторое время уже тихо посапывала.

Бай Цзиньжун только собралась уснуть, как вдруг Линь Дунцин всхлипнула во сне, беспокойно сбросила одеяло. Бай Цзиньжун подтянула одеяло обратно, и Линь Дунцин повернулась во сне и обняла её. А одна рука бесцеремонно поползла вверх по её телу, добралась до груди и сжала.

Бай Цзиньжун в полусне попыталась отстраниться. Линь Дунцин склонила голову, снова приникла к её губам, поедая их — сладких и мягких — не удержалась, взяла её губу в рот и принялась посасывать.

Бай Цзиньжун тихо простонала, отвернула голову. Линь Дунцин скользнула по её губам языком, всё ещё не насытившись. В груди у неё поднималось странное чувство, которому она не находила объяснения. Она растерянно смотрела на лежащую перед ней женщину и в конце концов крепко прикусила её — только тогда отпустила.

Утром Бай Цзиньжун проснулась и почувствовала, что уголок рта побаливает. Открыв глаза, она увидела, что Линь Дунцин лежит рядом, подперев голову рукой, и улыбается:

— Молодая вдовушка, а у тебя губы-то вкусные!

— Ты! — Бай Цзиньжун стало и стыдно, и обидно. — Как можно, пока я сплю, меня лапать!

— А чего такого? — нагло ответила Линь Дунцин. — Ты же обещала: раз я хожу с тобой на лоток, могу есть твои губы когда захочу. И вообще, что ты спишь, что бодрствуешь — я всегда могу тебя поцеловать.

С этими словами она повалила Бай Цзиньжун на кровать, сунулась к её губам и принялась грызть и кусать их, пока те не распухли и не покраснели.

— Легче, легче... — отталкивала её Бай Цзиньжун. — Как волчонок какой.

— А я думала, так тебе приятнее будет, — хихикнула Линь Дунцин.

Бай Цзиньжун вздохнула. Потом прикоснулась к её лицу и нежно поцеловала в губы. Мягко прошлась по уголку губ, затем вобрала её губу в рот, неспешно и сладостно касаясь.

Линь Дунцин оцепенела, глаза широко раскрылись. Это сводящее с ума прикосновение было таким незнакомым, таким странным. Она медленно покраснела и услышала, как Бай Цзиньжун, тоже краснея, проговорила:

— Женщины любят нежность. Кому понравится, чтобы её кусали и грызли?

— Поняла! — Линь Дунцин жадной птицей сунулась вперёд, но Бай Цзиньжун оттолкнула её:

— Идти лоток разворачивать.

Линь Дунцин в раздражении взлохматила волосы:

— Эй, вдовушка, я ещё не доела твои губы!

Бай Цзиньжун облизнула губы и вышла из комнаты — готовить мясную подливку для лапши.

Днём Бай Цзиньжун хлопотала, раздавая посетителям лапшу, и с довольной усмешкой наблюдала, как Линь Дунцин привычно моет посуду, убирает миски и палочки.

И этот нахал наконец-то стал похож на человека. Интересно, можно ли считать, что это уже помогает отводить её от дурных мыслей?

— О-хо-хо, никак это кто? — раздался нагловатый голос.

Линь Дунцин вздрогнула и подняла голову. Внутри вошли Чэнь Бяо и Линь Вэньцзин. С важным видом рассевшись, они крикнули:

— Две миски лапши!

Чэнь Бяо подошёл и тронул Линь Дунцин за плечо:

— Дунцин, вот ты где! Мы тебя обыскались.

— Братец Бяо, когда вернулись-то? — улыбнулась Линь Дунцин.

— Да вот, шторм приутих, мы с Линь-цзы и вернулись. Вчера тебя не нашли, а сегодня наткнулись, — Чэнь Бяо скользнул взглядом по Бай Цзиньжун. — Ого? Вдовушку уже охмурила?

Бай Цзиньжун принесла две миски лапши и со стуком поставила перед ними, после чего с мрачным лицом ушла.

Глядя на это сейчас, Дунцин и впрямь странно умильная — и хулиганка, и пай-девочка.

Вторая жизнь.

— Ишь, ещё нос воротит! — фыркнул Чэнь Бяо. Проголодавшись, они быстро умяли лапшу и, хлопнув себя по задницам, собрались уходить. — Дунцин, пошли! Сведу тебя в одно место, которое только что нашёл. То ещё приключение, говорю тебе!

Линь Дунцин глянула на Бай Цзиньжун и заколебалась:

— Я, пожалуй, не пойду...

— Две миски лапши — три монеты, — Бай Цзиньжун протянула руку, но Линь Дунцин отвела её и засмеялась:

— Мои братаны съели две миски лапши, с чего бы брать деньги?

Чэнь Бяо вдруг склонил голову набок и поглядел на них:

— Дунцин, а та твоя зазноба, что раньше была, — случайно не вдова?

— А, братец Бяо, вдова теперь моя женщина. Так что уж будь снисходителен, — Линь Дунцин сунула ему немного денег. — Вы с Вэньцзином только вернулись, небось туго с деньгами. Возьми сначала.

Чэнь Бяо взял деньги, обнял её за шею и расхохотался:

— Ай да Дунцин! Таковую кость, как вдова, — и ту разгрызла!

— Дунцин, ну что ты как чужой, — ухмыльнулся Линь Вэньцзин с плутовским видом. — Мы же братья. Твоя женщина — не для всех ли братьев?

Лицо Линь Дунцин помрачнело:

— Братец Вэньцзин, коли моя женщина для братьев, то ваши сёстры — тоже для братьев?

— Дунцин, ты как разговариваешь! — Чэнь Бяо нахмурился и ткнул в неё пальцем.

— Я сказала: она моя женщина, и никто её не тронет, — Линь Дунцин шагнула вперёд, выпроваживая их. — Поели — и идите. Торговать ещё надо.

— Дунцин, ну ты даёшь! Из-за бабы братьев забываешь? — недовольно толкнул её Линь Вэньцзин. — Как договаривались: делить и радость, и беду?

— Лю Шэн тоже так говорил, — холодно ответила Линь Дунцин. — И что с ним стало?

Оба побледнели, затравленно озираясь:

— Тише ты!

— Всё, пошли, — Линь Вэньцзин потянул Чэнь Бяо за рукав. — Тьфу, душу ей баба вынула, чего с ней говорить.

Увидев, как они, ругаясь, уходят восвояси, Бай Цзиньжун облегчённо выдохнула, подошла и взяла Линь Дунцин за руку:

— И кто тебе сказал, что я твоя женщина?

Линь Дунцин поджала губы, и лицо её стало серьёзным:

— Молодая вдовушка, знай: малый берёт тебя под свою защиту. Так что можешь зажечь благовония и поблагодарить Будду, понял?

Бай Цзиньжун выдернула руку. Линь Дунцин бесстыдно увязалась следом:

— Всё равно твою доску целомудрия я уже испоганила. Все соседи знают, что я переспала с тобой. Кроме меня, тебе теперь никто не нужен.

— Линь. Дун. Цин, — процедила Бай Цзиньжун сквозь зубы. — Из твоей поганой пасти ничего

путного не вылетит.

Надеялась спасти Линь Дунцин от дурных помыслов, а путь до этого, оказывается, ещё ох какой долгий.

Ночью Линь Дунцин, как обычно, чмокнула Бай Цзиньжун в губы, кстати ухватила за грудь и, запинаясь, спросила:

— Вдовушка, а как это — муж и жена спят? Вот так и спят?

— М-м? — Бай Цзиньжун подняла бровь и недоумённо хлопнула её по шаловливой руке.

— Ну, я смотрю на Чэнь Бяо и Линь Вэньцзина, — как они про баб рассказывают: прямо соловьи заливаются — и «нежные объятия», и «душу вынимает», и «хоть сейчас умирай»...

Линь Дунцин подпёрла щеку рукой:

— А я сплю с тобой столько дней, и всё как одной — ничего особого.

Бай Цзиньжун поджала губы, тихонько хмыкнула и спросила с невинным видом:

— Ну а разве не так?

— Ладно. Пожалуй, с тобой под боком спать всё же приятнее, — серьёзно сказала Линь Дунцин, и обе её лапы потянулись к Бай Цзиньжун.

Бай Цзиньжун с молниеносной быстротой сама полезла к ней под одежду, и Линь Дунцин, покраснев, шарахнулась назад:

— Ты... ты что это? А ну не смей, руки... лапы свои распускать!

— Это ты вечно руки распускаешь. Давай-ка посмотрим, кому из нас больше достанется, — усмехнулась Бай Цзиньжун.

— Ладно, ладно, не дури, — прикрикнула на неё Линь Дунцин. — Смотри, малый из тебя живо отбивную сделает.

Наконец Бай Цзиньжун кое-как уснула. Линь Дунцин обняла её со спины и, пользуясь моментом, облапала хорошенько. Затем сама себе пожаловалась со вздохом:

— И в кого эта вдова такая дикая? Щиплется больно. Ладно хоть во сне смирная.

Когда дыхание Линь Дунцин стало ровным, Бай Цзиньжун открыла глаза, медленно отвела её руки. В темноте блеснула пара холодных, ясных глаз.

После этого Линь Дунцин просто осталась жить в доме Бай Цзиньжуна. Днём — лоток, вечером — готовить на завтрашний день.

По ночам Бай Цзиньжун стряпала ужин, и они вдвоём сидели во дворе, болтали, попивали вино, а спать ложились в обнимку.

— Вечером давай вместе мыться, — лыбилась Линь Дунцин. — Экономим горячую воду. Я смотрю, ты несколько дней не мылась — уже провоняла.

Бай Цзиньжун глянула на неё сердито:

— Я каждую ночь обтираюсь. Ничем я не провоняла.

Линь Дунцин кивнула:

— Ты после обеда намесила тесто, вся взмокла. Помойся всё же, не прогадаешь. Всё равно я подглядывал, когда ты обтиралась.

Бай Цзиньжун совсем разозлилась:

— Ты же мне обещала исправиться, бросить все эти дурные штучки, которым на улице научилась!

Она помолчала и добавила:

— И целовались мы, и спали вместе. Как же ты всё ещё не слушаешься?

Линь Дунцин подпёрла лицо рукой:

— Люди говорят: переспи ты с женщиной — она и станет ручной да разумной. А я с тобой сколько уже сплю, ты всё такая же злючка.

Бай Цзиньжун не нашлась что ответить. А Линь Дунцин пробормотала:

— Значит, способ неправильный. Схожу как-нибудь в весёлый квартал, спрошу тамошних

девиц.

— Не смей идти! — перепугалась Бай Цзиньжун и бросила палочки на стол. — Ты же говорила, что я твоя единственная женщина! Зачем тебе в весёлый квартал?

— Я только спрошу, спать с ними не буду. Не волнуйся. — Линь Дунцин, смеясь, глянула на неё. — А ревнивая ты у нас!

Бай Цзиньжун прибрала посуду, вскипятила воды. Не увидев Линь Дунцин, решила, что та в доме, и быстро заперла дверь на засов, чтобы та не вышла.

Едва она присела — бултых! — рядом в кадку вынырнула Линь Дунцин. В мгновение ока скинула одежду и, голая, прыгнула к ней в воду.

— Выйди вон! — прикрылась рукой Бай Цзиньжун, сердито прикрикнув.

Линь Дунцин лыбилась, но под конец улыбка с её лица сползла: взгляд упёрся в белоснежную кожу Бай Цзиньжун, и девушка опешила.

Большие и круглые, как белые маньтоу, покрылись мелкой гусиной кожей от прохладного ветерка.

Линь Дунцин глянула на свою — как две жареные яичницы, — бросилась на Бай Цзиньжун и прильнула к ней, ёрзая всем телом.

— Пусти! — Бай Цзиньжун толкнула её. Линь Дунцин, низко наклонившись, стала целовать её в губы, дыша всё тяжелее. Прижав её к краю кадки, хрипло проговорила: — Вдовушка, мне жарко, сил нет.

— Не дури! — Бай Цзиньжун оттолкнула её. — Коли пришла мыться, мойся как следует. А нет — я ухожу.

Линь Дунцин пару раз прикусила её губы, потом отпустила. Помывшись немного, она вдруг переменилась в лице, замялась, глядя на Бай Цзиньжун:

— Вдовушка... я... эта... того...

— Что? — Бай Цзиньжун с беспокойством посмотрела на её покрасневшее лицо. — Что с тобой? Нездоровится?

— Я... я... нездоровится... не отмывается... ты пощупай, — Линь Дунцин с странным

выражением потянула Бай Цзиньжун за руку, подняв брызги.

Бай Цзиньжун резко отдернула руку. Сама покраснелась до ушей:

— Ты... ты... ты...

Тыкала она долго, так и не вымолвив ни слова. Обе сидели в кадке по шею, торчали из воды только две головы, обе красные, как пион.

А за стеной беззвучно сползли вниз две тени. Переглянулись в неверии.

— Вэньцзин, — у старика, видать, глаза отсохли? — сухо спросил Чэнь Бяо, облизнув губы.

— Дун... Дун... Цин — баба... — Линь Вэньцзин, тоже ошарашенный, зло выругался. — И чем... чем она там... занимается!

— Развели меня! Раньше говорила: вдова — её женщина. Да чтоб ей пусто было! Кому она нужна, такая! Две бабы! — Чэнь Бяо со всей силы ударил кулаком по стене и выругался: — Так просто ей это не сойдёт!

Линь Вэньцзин закатил глаза, ухмыльнулся:

— Завтра ночью соберём братков — поиграем с ними. Пусть отведают, каково нас обманывать.

Чэнь Бяо дернул щекой и тоже осклабился:

— Всей душой за!

Обе помылись и легли в кровать. Линь Дунцин притянула Бай Цзиньжун к себе, и они легли лицом к лицу.

Она как обычно рванула вперёд, но вдруг остановилась. Не стала, как прежде, грызть и кусать, а медленно прижалась губами к губам Бай Цзиньжуна. Словно лепесток цветка вобрала, нежно целовала, по капле впитывая её сладость.

Губы легко прошлись друг по другу, и дрожь пробежала по телу. Язык Линь Дунцин скользнул по уголку губ, и, когда Бай Цзиньжун судорожно вдохнула, скользнул прямо между её губ, раздвинул жемчужные зубы и проник внутрь, в глубину.

Бай Цзиньжун от неожиданности инстинктивно отстранилась, но Линь Дунцин придержала её за затылок и поцеловала ещё глубже. Язык скользнул по зубам и нёбу, подцепил её

уклонявшийся язык, сплёлся с ним в танце.

Когда поцелуй завершился, обе в лёгком оцепенении смотрели друг на друга, во взглядах мерцал влажный блеск.

Линь Дунцин едва могла отдышаться. Шумно вдохнув, она уставилась на Бай Цзиньжун сияющими глазами и выпалила:

— Вдовушка! Вот это было по-настоящему забористо!

Бай Цзиньжун закрыла лицо рукой. Когда же она перестанет нести околесицу?

— Вдовушка, давай-ка ещё разок, — потянула её за руку Линь Дунцин, приставая к ней с поцелуями, и успокоилась только далеко за полночь.

Бай Цзиньжун почти не спала. Линь Дунцин от раза к разу вела себя всё более свободно и близко.

Она боялась, что не успеет отвратить злые помыслы Линь Дунцин, как та оставит от неё самой мокрое место.

За эти дни она поняла, что близость Линь Дунцин не вызывает у неё такого уж сильного отторжения. В её глазах Линь Дунцин всё ещё словно ребёнок.

Но где-то глубоко в душе она совсем не хотела переходить с Линь Дунцин ту самую последнюю черту.

<http://bllate.org/book/21201/2145988>